

Любовь Карпенко

Сборник прозы

Рассказы, мистика,
сказки, фантастика

Любовь Карпенко

**Сборник прозы. Рассказы,
мистика, сказки, фантастика**

«Издательские решения»

Карпенко Л.

Сборник прозы. Рассказы, мистика, сказки, фантастика /
Л. Карпенко — «Издательские решения»,

В книгу вложены рассказы из жизни реальных людей, сказки для детей и взрослых, фантастика и мистика. Рассказы легко усваиваются, сюжеты могут заинтересовать людей, с добром идущих по жизни.

© Карпенко Л.
© Издательские решения

Содержание

Мистика	6
Восьмая сфера	6
VIP салон, зазеркалье	11
Анна	16
Двойник соседки	20
Картина	23
Колье	24
Не отдать душу ведьме	29
Проклятие	32
Разорвать замкнутый круг	35
Глава первая	35
Глава вторая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сборник прозы Рассказы, мистика, сказки, фантастика Любовь Карпенко

© Любовь Карпенко, 2016

ISBN 978-5-4483-0996-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мистика

Восьмая сфера

*Самое безнадёжное предприятие для ищущих дорогу,
выбрать себе слепого поводыря.*

Отряд боевиков пробирался в селение. Крадучись, неслышно, словно дикие звери. Принюхивались к запахам леса, прислушивались к звукам, замирая при каждом хрусте ветки, попавшей под ноги. Мужчины уже больше месяца прятались в горах. Днём отсиживались в пещерах, набираясь сил для ночных безумств, а тёмными ночами совершали набеги на посты российских войск. Резали русских без жалости, словно домашний скот, теряли своих, но и к своим жалости не было. С опустошёнными душами, в постоянном наркотическом бреде, они уже давно забыли, что такое мирная жизнь. Запах крови и пота стал привычен, они уже не чувствовали его, сроднились с ним, как сроднились с самой смертью, олицетворяя её своим существованием.

Ислам попал в отряд помимо своей воли. Ночью появился давно исчезнувший из селения брат, жёстко выдернул спящего мальчишку из постели. Отодвинув в сторону испуганную мать, быстро нашёл вещи брата и заставил одеться. Вывел из дома, и тайными тропинками увёл в горы. За всю дорогу ни словом не перекинулся с братом. И только когда они оказались в глубокой пещере, где расположились боевики, брат сказал Исламу, что пора уже глупому юнцу становиться настоящим мужчиной. Уже на следующий день Ислама стали учить убивать. А как надо добивать врага показали на пленном русском мальчишке, захваченном в последнем набеге на роту минёров, которые днём лазили по минным полям, убирая мины, расставленные боевиками. На этих минах погибло немало и мирного населения.

У Ислама замирало сердце, страх сковывал мысли. Хотелось бежать сломя голову подальше от этого страшного логова озверевших людей, для которых не осталось ничего святого. У них теперь был только один бог в лице своего командира, лютого, смотревшего на мир голодным волчьим взглядом. Но брат не оставил ему выбора. Оттащив в сторону и прижав к стволу дерева, дыша в лицо тяжёлым перегаром, приставил к горлу холодную сталь острого ножа. Ислам всё понял. Ему не уйти отсюда, надо выждать время.

Уже через неделю Ислама взяли на ночную вылазку. Шли долго, пробираясь узкими тропами под скудным светом тонкого месяца, шарахаясь от каждого звука ночного леса. Спускались крутой тропой, цепляясь за редкие кусты, соскальзывая на мелких камешках. Вышли к дороге, затаились. Пост был метрах в трёхстах. На посту зашла в лае сторожевая овчарка, к ней присоединился вой бродячего пса. Боевики выжидали.

Недалеко от поста часового стояло наскоро сколоченное помещение для роты сапёров. Бойцы спали после трудного дня. Уже больше недели разминировали участок степи, обильно поросший сорняком и пересыпанный разного калибра камнем, доходящим до валуна. И, на каждом метре степи, могла притаиться холодная смерть. Оставался последний смертоносный участок у кромки леса, когда сумерки резко сгустились, заставив отложить разминирование до утра. Заградительную проволоку не стали растягивать заново, решив расставить флажки. Со стороны леса можно было ожидать только непрощеных гостей. Ребята размета-

лись на самодельных топчанах, ночь не приносила прохлады, а спать под открытым небом не было возможности. Здесь всё еще была война, не та война, где противники сходятся в открытом бою, а подлая, звериная, выныривающая из темноты и бьющая в спину.

Боевики решили обогнуть голый от зарослей участок, и отошли в сторону леса. Скрывшись в зарослях, прошли по краю к степи и притаились. Проволочного ограждения не было, значит, минёры потрудились на славу, тем самым, очистив путь противнику. Командир жестом приказал выстроиться в цепочку и, согнувшись, ступил из леса. Остальные потянулись за ним. Шли плотно друг за другом, были уверены, что мин нет.

Грохот со стороны минного поля вырвал из паутины сна спавших ребят. В лае зашлись псы, орал благим матом старшина, стараясь удержать в помещении переполошившихся бойцов. Но ожидаемой стрельбы не было, вскоре и псы утомнились. Включили прожектор, направили на поле, выхватывая кусками участки земли. На поле не было движения. Была тишина. Выставили второго постового и завалились на койки. Заснуть уже никто не мог. Болтали, выходили курить, играли в карты. А на рассвете, со стороны поля, услышали еле доносящийся стон, будто ребёнок всхлипывал.

Андрей, первогодок, веснушчатый, со смешно торчащими ушами белобрысый мальчишка, покрылся потом с головы до ног. В его воображении пронеслась страшная картина, в которой ребёнок залез на минное поле и наступил на последнюю оставшуюся мину.

Старшина, взяв пса Иртыша, пошёл в сторону стонов. Иртыш шёл осторожно ступая, хотя мин на этом участке уже не было. Но и у него уже появилась привычка ступать, высоко занося лапы, предварительно приносясь к земле. Дошли до флажков, Василий взял Иртыша на поводок, осмотрелся. По полю были разбросаны остатки человеческих тел, из – за валуна, откуда доносился стон, была видна нога в армейском ботинке. Василий обогнул валун с безопасной стороны и увидел молодого парнишку, лежащего навзничь с закрытыми глазами. Голова парня была в крови, но в остальном он был цел. Василий отшвырнул от боевика автомат, приподнял голову и увидел, что в затылке мальчишки засел своим краем острый осколок. Василий осторожно вытащил осколок и туго перевязал повреждённый участок стерильным пакетом.

Раненый ещё недолго простонал, затем затих. Но сознание к нему не возвращалось.

Бойцы соорудили подобие носилок и перетащили мальчишку в тень. Ожидали приезда санитарного транспорта из района. Приехавший фельдшер из местных, долго вглядывался в лицо раненого, но не признал никого из рядом стоящих селений. Отправили мальчишку в госпиталь, а потом долго перетирали то, как им повезло, что не успели полностью разминировать участок. Перетёрли и пошли на поле, продолжать работу. Вытащив ещё три смертоносных подарка, удивлялись, как боевикам удалось их обойти. Вечером снялись с места, убрали пост и, погрузившись на машины со своим нехитрым скарбом, двинулись на другой участок, не менее опасный. Они делали свою работу, делали не потому, что так велела родина, делали потому, что так велело сердце. Было много жертв из мирных жителей, живших по соседству с минными полями, а войны здесь быть не должно. Были боевики со своей злобой и ненавистью, объявившие войну всему миру.

Ислам после операции не выходил из коматозного состояния почти месяц. Молодая медсестра Надира, работавшая в госпитале, узнала парня из своего селения. Она не поверила своим ушам, когда ей сказали, что парень был с боевиками. Мать, приехавшая в гос-

питаль уже на следующий день, рассказала Надире, что случилось той ночью, когда старший сын увёл мальчишку с собой в лес. Исламу только исполнилось шестнадцать, и он мечтал о совсем другой жизни, о жизни без войны, насилия и страха. Страх уже давно поселился в их доме. Как только старший брат ступил на скользкий путь, попробовав наркотики, покоя в доме не стало. Он исчез вместе с улыбкой матери, доброй и заботливой женщины. Брат изменился на глазах, стал резким, вспыльчивым и жестоким. Мать ночами плакала в подушку, разрывая сердце Ислама. Но он не знал, как помочь брату. На все его попытки вызвать брата на разговор, он получал резкий отпор. А потом брат и вовсе исчез, и в селе-нии поговаривали, что он связался с боевиками. Чувствуя беду и стараясь уберечь младшего сына, мать засобиравшись к родне в другое селение. Но беда пришла первой и опередила её.

Узнав историю Ислама, врачи старались вытащить мальчишку и как только могли, успокаивали страдающую женщину, не отходящую от постели сына.

А Ислам всё это время был далеко. После того, как он услышал хлопок впереди, а потом его отшвырнуло взрывной волной и ударило затылком обо что – то очень твёрдое, он потерял сознание. Затем он очнулся в какой – то странной местности, где ни разу не был. Вокруг был плотный серый туман, вязкий и очень холодный. Предметы непонятной формы окружали его в этом тумане. Как он ни присматривался к этим предметам, но так и не мог определить, что это. Он пытался двигаться вперёд, но даже ноги вязли в тумане, как в болотной жиже, и не было возможности сделать шаг. Неимоверным напряжением, Ислам выдернул сначала одну ногу, потом другую, шагал вперёд, пытаясь руками опираться о выступающие предметы, но предметы проседали под давлением рук, и он заставлял себя выпрямляться и снова делать шаг. Пот лил с него градом, силы таяли, но он шёл и шёл, а потом, когда ноги уже отказывались его держать, он падал на колени и продолжал ползком двигаться вперёд. И, когда он плашмя упал в серую жижу, понимая, что силы его покинули, он закричал, что есть силы.

Боль, пронзившая его затылок, заставила сознание вернуться на короткий, но, как оказалось, спасительный отрезок времени. Он почувствовал прикосновение чьих – то рук, а затем снова потерял сознание.

Затем он снова очнулся. Местность была та же, только серый туман был уже далеко внизу, а он словно скользил по стеклянной поверхности, едва касаясь её ногами. Рядом с ним по левую руку, двигалось существо с чёрным плоским овалом вместо лица, в чёрном же плаще с капюшоном. Ислам поднял голову, стал осматриваться. Его взгляду представилась жуткая картина. Всюду, куда бы он не кинул взгляд, шла кровавая резня. Воины, собранные со всех веков, сражались насмерть. Одетые в громоздкие доспехи, бросались на тех, у кого в руках были автоматы Калашникова. Лучники, как зомбированные, шли на тяжёлые танки, превращавшие их в сплошное месиво. Римская конница пыталась противостоять установке град. Смерть была всюду, на земле и в воздухе. И всюду пахло кровью и потом. И над всей этой жутью, в чёрном небосводе, багровым пламенем полыхало огромное солнце.

Ислам почувствовал тошнотворный комок, подкативший к горлу. Стало тяжело дышать. Он хотел закрыть глаза, чтобы не видеть страшной картины, но глаза не закрывались, как он не старался. Веки его не слушались. И он вынужден был смотреть. Трупы воинов, растерзанные гусеницами танков, словно по велению волшебства, снова собирались в целые тела и оживали. Люди вставали, хватались за оружие и снова вступали в бой, будто

вовсе и не были мертвы. Такое же творилось и с остальными погибшими. И это был бой и смерть без конца.

– Что это? – Пронеслось в голове Ислама.

Ответ последовал незамедлительно.

– Искушение.

– И как долго это будет продолжаться с ними?

– Сколько жертв, столько раз они пройдут по кругу.

– Почему именно война и смерть?

– Это самый тяжкий грех. Никто не имеет право порушить созданное творцом. Преступивший этот закон, будет наказан смертью и муками.

– А, как же всепрощение творца?

– Это придумали лживые и порочные, дабы прикрыть свои тяжкие деяния и не отвечать за них. Живущим на земле не постичь всех законов вселенной.

– А эти люди выйдут из этого круга?

– Выйдут, только многие из них будут умирать и возрождаться тысячи и тысячи раз!

– Скажи, что это за место? Ведь это не земля. Где я?

– Я скажу, только ты этого не будешь помнить. Это восьмая сфера. О ней никто из живущих на земле адептов говорить не станет. Но пришло время рассказать живущим, что есть и такой мир.

– Я точно знаю, что никого не убил, и убивать не собирался. Почему я оказался здесь?

– Твои кармические условия отягощены родственными связями с убийцей. Невольно, но на тебя упала часть его вины. Но ты не будешь страдать здесь, для того я и послан сюда, чтобы сопровождать тебя в этом путешествии. Но тебе придётся на всё это смотреть. Если хочешь, ты можешь увидеть брата. Но только, если ты сам этого хочешь.

– Нет, я не хочу его видеть! Там, на земле, страдает моя мать и те, чьих сыновей он убил. Это он повинен в их страданиях! Он и меня хотел сделать убийцей. Его никто не заставлял ступать на кровавый путь, он сам сделал свой выбор! – Будь по-твоему! Нам пора!

Проводник ринулся вверх, неведомая сила потащила за ним и Ислама. Они оказались на следующем уровне восьмой сферы. Под ногами было всё та же поверхность, напоминающая стекло. Вокруг же всё было другим. Были зеркала, много зеркал и сидящих перед ними людей. В зеркалах были отражения тех, кто сидели перед ними, но только эти отражения двигались не в такт со своими двойниками, а совершали какие – то странные действия. Казалось, что они нападали на сидящих людей с той, отражённой стороны и заставляли их сопротивляться. На лицах сидящих были гримасы ужаса, на их телах выступали синяки, кровоподтёки, ссадины. У многих вдруг ломались конечности, они кричали, стонали, корчились от боли. У многих через одежду сочилась кровь, на ней оставались резаные полосы, будто от ножевых ранений. Многие падали на поверхность и теряли сознание. Потом, некоторое время спустя, упавшие оживали, как ни в чём не бывало, снова садились перед зеркалами. Некоторые после своей гибели, упав со стульев, исчезали. Ислам вопрошающе посмотрел на проводника.

– На земле их называют маньяками. У всех много жертв, среди них много детей. Они так же переживают то, что совершили. Каждому воздаётся по заслугам. Нам пора!

Следующий уровень сферы был не так мрачен и ужасен. Населенный людьми и животными, он представлял собой нагромождение хаоса. Хотя и здесь были жертвы. Но это уже не были жертвы убийц. Просто они страдали от своих чревоугоднических пороков. Алчные, жадные, ненасытные, они дрались между собой за право обладать теми или иными вещами, дрались за еду, хотя еды было в изобилии, дрались за какие – то купюры разного достоин-

ства. И это был сплошной бардак и неразбериха. Суетливые, крикливые, неугомонные, люди пребывали в состоянии постоянного движения, ни останавливаясь, ни на минуту и не замолкая. И от этого гвалта у Ислама пошла кругом голова.

Ислам и его спутник стояли на самом последнем уровне восьмой сферы. Впереди виднелась полоса яркого света. Из этой полосы появилась фигура, похожая как две капли воды на проводника Ислама, только белая, а в разрезах широких рукавов виднелись белоснежные перья. И двигалась она уже не по поверхности, а летела над ней, не касаясь.

– Тебе пора вернуться.

– Постой, скажи, почему ты здесь?

– Я хранитель этой сферы, один из многих. Это наше предназначение. Ступай, тебе нельзя здесь находиться дольше.

Хранитель сделал движение головой, и Исламу на секунду показалось, что он увидел лицо. И это было лицо очень красивого человека, с огромными серыми и печальными глазами, смотрящими словно сквозь него.

Уже в следующее мгновение Ислам летел на огромной скорости в чёрную бездонную пропасть. И проснулся от собственно крика.

Его матушка, задремавшая на стуле рядом с кроватью, вздрогнула и посмотрела на сына. Ислам лежал с открытыми глазами и рассматривал палату.

Подошедший к очнувшемуся после комы больному молодой врач, снял с Ислама многочисленные провода, отключил аппаратуру и спросил:

– Ну, что? Жить будем? – Затем внимательно посмотрел на Ислама и добавил – Расскажешь, как там?

– Расскажу, обязательно расскажу. – Странно, но Ислам всё помнил. От начала и до своего благополучного возвращения.

VIP салон, зазеркалье

Если жизнь твоя катится в пропасть, не торопись делать роковой шаг. Признай ошибки, оттягивай падение, зывай о помощи и она придёт!

В комнате, где проживали девчата, обслуживающие клиентов салона интимных услуг, было душно и шумно. Девчата нагишом валялись на разобранных кроватях. Из распахнутого окна не было даже малейшего дуновения ветерка, поскольку окно выходило на глухую стену рядом стоящего дома. Зато гул с улицы доносился постоянно и монотонно, вторгаясь в пространство комнаты вместе с жаром раскалённого воздуха.

Работа начнётся вечером, когда одуревшие от офисной работы, в салон потянутся местные ожиревшие от сидячей работы толстосумы. Салон располагался прямо на Невском проспекте Петербурга, а желающих понежить свои жирные тушки в мягких лапках молоденьких массажисток было всегда достаточно. Салон процветал, а местные власти закрыли глаза, поскольку никакими деньгами не брезговали. Со временем в салоне появились и юноши, которые так же обслуживали клиентов. Спали они на матрасах в помещении прачечной, досыпая оставшееся свободное время от клиентов до окончания смены, а затем разбегались из салона, поскольку их услуги не были легально зарегистрированы.

Вера, как и все остальные девчата, была родом из маленького провинциального городка. Вот только её городок был намного ближе к Питеру, да и семья у Веры была благополучная. А из дома она подалась из собственных соображений. Надоели ей матушкины постоянные страхи да нравоучения. Казалось Вере, что чрезмерная опека родителей лишает её взрослой жизни и личного мнения. Подруги давно уже отведали вкус посещения дискотек и ночных клубов, а она всё на привязи, да ещё и на коротком поводке.

Родители настаивали, чтобы Вера осталась в городе. Была сменная работа на птицефабрике, не пыльная и не требующая возни с птицей. Но у девушки был хороший диплом, и решила она податься в столицу за престижным образованием. Ни много, ни мало, а решила Вера выучиться на юриста. И выучилась бы, если бы не одно но. Не прошло и полгода, как Вера вместе со своей подругой Настей, была отчислена из университета за неуспеваемость по всем предметам. Она пыталась подобрать все «хвосты», не спала ночами, но лимит времени, данный на то, чтобы опровергнуть негативное мнение ректора, быстро закончился и двери университета перед Верой захлопнулись. Вера вернулась в комнату на Московском проспекте, которую они с Настей снимали на пару, и стала думать, как жить дальше. Если она вернётся домой и скажет, что вылетела из университета, то, естественно потянется цепочка вопросов, на которые надо будет давать ответы. А значит, надо будет врать по полной программе. Тем более, что та сумма денег, которую родители выделили своему чаду на год обучения, давно и безвозвратно канула в копилку ночных клубов, в которых Вера с Настей проводили свободные от обучения ночи.

Надо было срочно искать работу. За две недели в комнате скопилась приличная стопка газет с объявлениями, но работу найти с дипломом средней школы было практически невозможно. Если только идти на уборку, да и там требовался определённый опыт и проворность в работе. Объёмы помещений ужасали, а зарплата была настолько мизерной, что её едва хватило бы на то, чтобы оплатить жильё и впроголодь прожить до конца месяца.

Первой работу нашла Настя. Она пришла в салон устраиваться уборщицей. Ей показали объём работы, провели по салону и предложили остаться до конца смены, чтобы посмотреть, что и как будет делать её напарница. Женщина средних лет ещё раз провела её по салону, объясняя всю очерёдность уборки, показывая помещения, куда не следует входить или запрещено. Насте сказали, что этот салон предлагает обычные услуги по массажу, что клиенты в салоне солидные и законопослушные граждане и бояться нечего.

А затем, неделю спустя, Настя перевелась в ночную смену на работу. Появились свободные деньги. Вера недоумевала, откуда у подруги после ночной работы появляются четыре тысячи рублей. Ведь она говорила, что зарплата в салоне всего пятнадцать тысяч, а тут такие деньги. Настя молча отмахивалась от подруги и заваливалась спать. Спала до обеда, а Вера в это время обивала пороги кадровых агентств. От одного только вида анкет, которые требовалось заполнять в агентствах, её начинало мутить. Всюду одно и то же. Сначала заполни анкету, а затем вам будут звонить, если появится работа. Но деньги надо заплатить сразу, иначе разговора не получится. Настя поддерживала подругу деньгами, не жадничала. Она прекрасно понимала, что в том, что они вылетели из университета, была и её вина. Это она затащила Веру в ночной клуб ещё в начале учебного семестра, а затем и пошло и поехало. Деньги таяли как вода, сплошные неуды в зачётах. Огни ночной столицы манили неудержимо, а отрезвляющего фактора рядом не было. Домой Вера звонила только по выходным, да и то через раз. Родителям постоянно врала про хорошую успеваемость, думая, что придёт завтра, и она сумеет наверстать упущенное время.

И когда Вера устала ходить по агентствам и сказала Насте, что согласилась бы на любую чёрную работу, только чтобы получать деньги на своё существование, Настя раскололась. Она призналась подруге, что работает в салоне не уборщицей, а оказывает клиентам интимные услуги. На третьи сутки работы к ней подошёл хозяин агентства и предложил девушке пройти с ним в его кабинет. В кабинете он расспрашивал Настю о том, откуда она родом и как попала в Питер. Настя всё рассказала, рассказала и том, как вылетела из учебного заведения. И ей предложили работу, как ей показалось, стабильную и не хлопотную. Она согласилась, тем более что условия работы были достаточно мягкими, и документы у неё никто отбирать не собирался. Да и проживать она могла свободно на любой квартире в Питере, главное, чтобы на работу приходила вовремя и хорошо отдохнувшей. Надо было собирать деньги, чтобы на следующий год снова поступать, но уже в другой вуз. И Настя, не задумываясь, согласилась.

Вера не могла поверить, что её подруга работает проституткой. То, что они просиживали в ночных клубах и просаживали почём зря родительские деньги, не шло ни в какое сравнение с тем, чем занималась Настя в салоне. Вера сначала не верила тому, что рассказывала Настя, а потом, когда подруга стала рассказывать интимные подробности, происходящие с ней в салоне во время приёма клиентов, до неё дошло, что подруга не врёт.

У Веры появилось желание собрать вещи, уехать домой и признаться во всём родителям. Она уже стала упаковывать вещи в сумки, когда Настя её остановила. Она с пренебрежением смотрела на Веру и бросала ей в лицо фразы, от которых Вера вся съёжилась и остановилась на месте.

— Я вижу, что кроме брезгливости у тебя никаких чувств не вызываю! А ты забыла, подруга, сколько я тебя на своих плечах тянула? Ты целыми днями разгуливала по городу, жрала на мои деньги, в агентствах тоже моими деньгами расплачивалась, а кто жильё опла-

чивал? Как возвращать собираешься? Не пора ли уже своей головой думать, как и где деньги доставать?

Вера как подкошенная рухнула на кровать и разрыдалась. Она действительно не знала, как можно покрыть расходы, которые в неё вложила Настя.

Настя вышла на кухню, выкурила сигарету и, вернувшись в комнату, стала Веру успокаивать. Она долго объясняла Вере, что ничего страшного в этой работе нет, и что работа временная, а оплачивается хорошо, и можно будет спокойно поступать на следующий год в любое учебное заведение. А уйти с этой работы можно будет в любое время. А Вера думала о том, что занятия подобного рода всегда накладывают отпечаток на моральную сторону жизни человека и что ничего в жизни бесследно не проходит. И вспоминала слова матери. И думала, насколько мать была права, говоря о том, что человек должен всегда держать себя в руках, поскольку за свои поступки надо будет платить. Вот и ей пришлось время платить. Она кивала головой в ответ на слова Насти, что – то отвечала, а вечером вместе с Настей пошла в салон.

По дороге в салон, Настя кому – то позвонила с сотового. А уже через пятнадцать минут после того, как девушки вошли в помещение салона, их позвал в свой кабинет хозяин. Минут через пять Настя из кабинета вышла, а Вера осталась. Хозяин, молодой ещё человек, с ног до головы осмотрел Веру, попросил раздеться до нижнего белья. Вера стушевалась, но хозяин настаивал и говорил, что в этом ничего страшного нет. Ведь ходит же она на пляже в купальнике и ничего не происходит. Он явно остался доволен осмотром. А когда он задал Вере вопрос о её сексуальном опыте, и услышал в ответ, что такового ещё не было, то просто пришёл в восторг. Хозяин довольно улыбался и потирал руки. А у Веры по всему телу бежали мурашки, и она никак не могла согреться. Её буквально стало лихорадить.

Контракт на работу был подписан уже через час после того, как в таинство профессии Веру посвятила тучная тётка с обрюзгшим лицом. Её многослойный подбородок плотно лежал на груди, украшенной крупными бусами и туго обтянутой красной блузкой. Толстуха постоянно жестикуют руками, демонстрируя множество золотых перстней, надетых на толстые пальцы с ярким маникюром. У Веры эта особа вызывала острое чувство неприязни, хотелось поскорее от неё отделаться. Тётка сказала, что неделю Вера будет работать в паре с другой девушкой, а уже затем, как она наберётся опыта, у неё будет клиент. И в конце объяснила Вере, что клиент будет особенный и очень богатый, а до этого у Веры не будет никакого интима, и будет она только то делать, что скажет вторая девушка.

Неделя для Веры пролетела словно в кошмарном сне. Возвращаясь после ночи в салоне в свою комнату, она падала как подкошенная на кровать и проваливалась в тяжёлый сон. Настя пыталась её разбудить затем, чтобы Вера хотя бы что – то съела, но Вера вставать не хотела и спала почти до самого вечера. Глотнув горячего чая, вечером снова шла в салон. За неделю она потеряла почти семь килограмм веса, и пришлось поменять все вещи, которые были в её гардеробе.

Отработав ночь, Вера решила остаться в комнате отдыха с девчатами. Сегодняшней ночью к ней пожалует её первый клиент. Вера решила поговорить с девчатами о том сокровенном, что будет происходить с ней ночью. То, что она видела в комнате для массажа, не имело ничего общего с интимными услугами, и Вера боялась оставаться одна с незнакомым человеком. Она не была маргинальной провинциалкой, много читала и много слышала.

Читала и о том, что можно нарваться на маньяка, а если что – то и произойдёт в салоне, то это будет скрыто и никто и никогда не докопается до правды.

Она ещё спала, когда сквозь сон услышала, как позвали Ольгу, сказав той, что пришёл клиент и требует её. Ольга возмущалась, что даже днём от клиентов покоя нет, но затем оделась и вышла из комнаты, хлопнув дверью. Веру разбудили немного позже. Толстуха была в комнате и ругала девчонок за бардак и разбросанные вещи. Девчонки слабо огрызались и продолжали лежать на кроватях. Вере пришлось вставать и идти на обед. Затем надо было пройти в комнату для особых клиентов, познакомиться с обстановкой. Эта комната была в самом дальнем углу длинного коридора, открывалась не каждый вечер и не все девушки знали, как она выглядит внутри. Снаружи была массивная дверь из породы красного дерева и днём комната постоянно закрывалась под ключ. Толстуха сказала, что проводит Веру в комнату и всё покажет.

Еду Вера жевала нехотя, без аппетита. Сильно хотелось спать. Да и чувствовала она себя не совсем хорошо. Как – то ломило суставы, тянуло мышцы ног, немного лихорадило. Вера всё утро проспала у открытого окна почти нагишом, в комнате было душно, а с окошка тянуло утренней прохладой.

Осилив суп, не притронувшись к котлетам, Вера выпила сок и пошла за полотенцем в комнату. Хотелось встать под душ. Выйдя из комнаты, постояла недолго в коридоре и пошла в его конец. Сама не понимая зачем, подошла к двери той самой комнаты и толкнула её. Дверь беззвучно открылась.

Вера стояла на пороге комнаты, и обозревала какой – то фантастический пейзаж. Вся комната была наполнена тягучим фиолетовым сумраком. Предметы и мебель были искажены и просматривались, как плоские размытые контуры. Прямо по центру комнаты в персидском ковре зияла огромная чёрная дыра, из которой валил густой фиолетовый дым. Вместо окон на стене были прямоугольные прорехи, заполненные фиолетовыми клубами. В дальнем углу комнаты различалось движение многих фигур. Вера почувствовала лёгкий толчок в спину и шагнула в комнату. Она уже различала контуры кровати, а на ней силуэты двух тел. Но не это было важно. То, что она увидела рядом с кроватью, привело её в ужас. Там толпились какие – то сущности, похожие на мультяшных героев ужасиков. Бесформенные тела, маленькие и нелепые, коричневые и серые, с гладкой кожей и пупырчатой, с ушами и без них, с явной заинтересованностью созерцали процесс совокупления землян, происходящий на кровати. Недалеко в стороне Вера рассмотрела сгусток серого цвета, который имел форму куба, и живойдвигающийся глаз в верхней его части. Куб дёргался на месте, а его глаз был устремлён в сторону кровати. Из дыры пыхнул сгусток пара и что – то выпрыгнуло на ковёр. Когда это что – то выпрямилось во весь свой рост, Веру охватил панический ужас. Перед ней во всей своей красе стояло самое настоящее рогатое чудовище, с зелёной бугристой кожей и огромными изумрудными глазами. И эти глаза смотрели прямо на Веру. Чудовище открыло пасть и зашипело, сделав шаг к Вере.

Какая – то неведомая сила толкнула Веру в грудь и девушка буквально вывалилась за дверь комнаты. Дверь перед её носом захлопнулась. Всё остальное происходило как во сне. Вера не помнила, как она ворвалась в комнату отдыха, схватила свои вещи, на ходу напялила юбку и блузку, пулей пронеслась вниз по лестнице, оттолкнув охранника, и через три минуты уже стояла на улице. Она лихорадочно соображала, как быстрее добраться до дома. Машин не было, все такси заняты, час пик. Оставалось только метро. Стоя в переполненном вагоне, пыталась осмыслить увиденное. То, что она не спала, было явно. То, что

её толкнули в комнату, в этом тоже не было смысла сомневаться, она явно ощутила толчок в спину, как и тогда, когда её вытолкнули из комнаты. Но тогда кто же эти твари, наблюдавшие за парой в комнате? А кто из девчат мог быть в комнате? И только тут до неё дошло, что в комнате была Ольга. Ведь она слышала сквозь сон, как Ольгу позвали.

Всю дорогу Веру била дрожь. Когда она влетела в свою комнату, Настя ещё валялась на кровати с книгой. Вера выхватила книгу из рук подруги и швырнула её в угол комнаты. Затем схватила стакан с водой, пыталась из него отпить, но зубы выбивали мелкую дробь, и вода выплёскивалась на блузку. Настя сидела на кровати и с удивлением смотрела на подругу. Вера вылила воду себе на лицо, затем сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. Она упала в кресло и закрыла глаза. Дрожь постепенно стала утихать, стало легче дышать.

Стараясь не сбиваться и ничего не забыть, Вера подробно рассказала Насте обо всём увиденном. А Настя моргала глазами и не знала можно ли всему этому верить. Она много читала, увлекалась фантастикой, мистикой, да и сама писала коротенькие фантастические рассказы. И то, что говорила подруга, очень было похоже на фантастический сюжет. Но что её так могло напугать? Уж не наглоталась ли подруга наркотиков? Настя уже слышала от девочек, что некоторые пробовали этой дряни. Но потом подумала, что Вера не станет пробовать наркоту и что – то на самом деле произошло.

Вера, придя в себя и успокоившись, стала собирать в сумки вещи. Упаковала, затем отдала Насте деньги заработанные за неделю, оставив только часть на билеты и предложила Насте поехать с ней домой к её родителям. Настя наотрез отказалась, сказав, что с салоном завяжет, как только найдёт приличную работу.

Анна

По крутой тропинке, спускавшейся к берегу моря, осторожно шли двое – молодой высокий парень с густой шевелюрой черных, как смоль волос и хрупкая невысокого росточка девушка, с волосами до пояса цвета спелой пшеницы. Они держались за руки и, парень, шедший спереди, постоянно оглядывался и смотрел, чтобы девушка не оступилась. За плечами парня был большой рюкзак, очевидно пара собралась отдохнуть на диком пляже пару дней.

Спустившись к пляжу, парень отыскал ровное место подальше от воды, сбросил на гальку рюкзак и стал доставать из него вещи. Закончив с выкладкой вещей, он разложил на гальке миниатюрную палатку, достал крепления и быстро и ловко палатку собрал.

Девушка сбросила с себя легкие брюки, футболку и сняла кроссовки. Она пошла к воде и, не раздумывая, и не боясь прохлады, в воду вошла по грудь. Затем она нырнула с головой и проплыла под водой несколько метров.

Аня очень хорошо держалась на воде с раннего детства. Моря она не боялась, плавала даже в беспокойном море, когда волны поднимались высокими гребнями и шевелили крупную гальку на берегу.

Валентин стоял у воды и с улыбкой смотрел, как Анна быстро, как настоящая пловчиха, удаляется от берега. Он и сам отлично плавал, и долгое время занимался подводным плаванием с аквалангами. Но, видя, как Анна легко покрывает большие расстояния на воде, удивлялся, как такой хрупкой девушке хватает сил.

День прошел незаметно. Они настолько устали от постоянного пребывания в воде, что ближе к вечеру пластом лежали на полотенцах, разложенных прямо на тёплой гальке у воды. Из маленького транзистора лилась плавная музыка. Ребята болтали о разном. Строили планы на будущее. Оба должны были закончить обучение в институте, осталось доучиться год. А затем уйдут работать в одну фирму, владельцем которой был отец Валентина. Они с третьего курса подрабатывали в фирме сначала курьерами, затем помощниками менеджеров, а в конце четвёртого курсами – полноправными менеджерами. Оба получали приличную зарплату и оба нравились отцу Валентина, как грамотные и целеустремлённые работники.

Месяц отпуска закончится, а вместе с ним закончится и лето. И ребята спешили насладиться морем и солнцем, возможностью вот так валяться на пляже и ни о чем не думать.

Южная ночь быстро опускалась на побережье. Сначала был дивный закат, разливший в море оранжевые краски и огромный раскалённый шар солнца, быстро уходящий за морской горизонт. Затем небо потемнело, и на синем покрывале замерцали призрачным светом плеяды созвездий. Небо быстро чёрнело, а звёзды становились ярче и крупнее. Луна ещё не появилась, застряла где – то за высокими склонами гор.

Анна заснула и во сне улыбалась. Наверное, смотрела интересный и приятный сон. Валентин встал, подошел к палатке, включил фонарик. Он хотел разбудить Анну, но пожалел и осторожно поднял девушку на руки, стараясь не разбудить. Уложив Аннушку в палатке

и закрыв вход, Валентин собрал в рюкзак разбросанные вещи и повесил на палатку полотенца.

Умопившись рядом с Анной, Валентин попытался заснуть. Но сон не шел. Стал крутиться с боку на бок и разбудил Анну.

– Ну, что крутимся, спать не даем? – шутливым тоном спросила Анечка. Валентин обнял её, прижал к себе. Он смотрел на Анну, и в нём просыпалось неуёмное желание обладать девушкой. Но Анна, почувствовав, что Валентин может не сдержаться, высвободилась из объятий и выбралась из палатки. Валентин вышел следом.

– Валентин, пожалуйста, не начинай всё заново. Мы же с тобой договорились обо всем, и между нами нет секретов. Я не хочу подводить своих родителей и твоего отца. Они на нас наедятся. Мы взрослые люди, не должны жить спонтанно, сейчас не те времена. А если я забеременею, тем более, что у нас ничего с собой нет. Да и вообще, я лично, никуда не тороплюсь. Да и ты не торопись, иначе, подумал бы сначала головой! Все, я иду в воду, да и тебе надо немного охладиться!

Валентин взял руку Анны, притянул девушку к себе

– Анечка, ну что ты так злишься? Даже если это случится, никто и ничего не узнает. Я буду очень осторожен. Да сейчас даже без регистрации парни и девушки живут, и никто их не осуждает. Кому, какое дело? И детей рожают, да не по одному.

– Конечно, живут, конечно, рожают! И никому дела нет! И дети носят двойные фамилии, как – то Васин – Илюшин, как клеймо ребёнка, рождённого вне брака. Запомни, Валентин, я своим детям такого будущего не хочу. Люди не меняются, меняются маски, которые они на себя одевают. Мне моя мама лекции читала на эту тему, да и твой отец постоянно тебе внушает, что жить надо по совести, чтобы от твоих действий никто не страдал, и тем более – твои дети.

– Да слышал уже сотню раз! Ты вот такая особенная, а я совсем другой. Урод, по твоему. – Валентин не сдержался, зло пнул крупную гальку босой ногой. Он повернулся, подошел к палатке, снял полотенца. Анна уже была в воде и плавала недалеко от берега.

Валентин нырнул на небольшой глубине и, вынырнув далеко за Анной, поплыл дальше. Анна плыла за ним на некотором расстоянии. Затем Валентин остановился, держась на воде, ждал Анну. Девушка подплыла, улыбаясь, спросила – Ну, что, остыл? Всё нормально, Валентин? Давай не будем себе портить отпуск?

Валентин смотрел на Анну в упор, его взгляд стал затягивать Анну. Затем Валентин стал плыть на спине, неотрывно глядя в глаза девушки. Анна, как под гипнозом плыла за парнем. Очнувшись она только далеко от берега, настолько далеко, что не было видно ни самого берега, ни пляжа. Валентин нырнул в воду, пропал из поля зрения Анны. Она запаниковала. Было действительно жутко остаться одной посреди глубокой и чёрной воды.

Адреналин сделал свое дело. Сначала Анне стало жарко, а после, когда жар прошел, она почувствовала, что сильно замерзла. Она, что есть сил, плыла в сторону выплывающей из – за обрыва луны. В той стороне был спасительный берег. Стараясь взглядом найти Вален-

тина, девушка крутила головой по сторонам. Но его не было рядом. Всплесков воды она тоже не слышала.

Валентин плыл на некотором расстоянии от Анны позади неё. Он постоянно погружался в воду с головой, когда Анна пыталась найти его на воде. И, только когда Анна вдруг ушла под воду, парень испугался. Он попытался нагнать Анну, но девушка из воды не вынырнула. Тогда он стал нырять в том месте, где, как ему показалось, Анна ушла под воду. Но и там девушки в воде не было, да и найти Анну в воде было трудным делом. Вода казалась чёрной и не пропускала тусклый свет луны.

Он искал Анну почти полчаса. До изнеможения вымотанный, Валентин поплыл к берегу. Он плыл и надеялся, что Анна до берега доплыла. Думал, что может, девушка просто нырнула и немного отплыла вперёд, вот он её и не увидел.

Валентин добрался до берега, в изнеможении упал на гальку. Он звал Анну, кричал, но ответа не было. Поднявшись на ноги, Валентин побрел к палатке. Палатка была пуста...

Прошёл год. Валентин, окончив институт, работал в фирме отца. Парень так и не рассказал никому всей правды о том, что случилось в ту роковую ночь на берегу моря. Он соврал, сказав, что ночью крепко заснул, а Аннушка, очевидно, сама ушла купаться и не вернулась. Она любила плавать ночью.

Он стал встречаться с девушкой, которая работала с ним в одном офисе. Встречались они изредка, да и то, только затем, чтобы провести ночь вместе. Никаких планов Валентин не строил, он вообще теперь боялся строить планы. По ночам постоянно мучили кошмары. И в этих снах он раз за разом терял Аннушку. Лето подходило к концу, когда Валентин взял недельный отпуск и поехал к морю. Поехал один, на то место, где были с Анной.

Он сидел на берегу в лучах заходящего солнца и вспоминал. Как глупо всё получилось, как сам себе испортил всю жизнь и погубил самое дорогое на свете существо. И что на него тогда нашло? Почему он не смог совладать с собой и так жестоко поступил с Анной? И что теперь он ждёт от жизни?

Вдруг, краем глаза, Валентин заметил движение немного в стороне от того места, где сидел. Он повернул голову и застыл.... Рядом с камнем, лежащим у самой воды, стояла его Анна! Она была немного бледна, но в остальном, такая же, как и была в тот день. На ней была светлая футболка, белые низкие кроссовки и светлые короткие брючки. Анечка улыбалась и смотрела на Валентина нежным, полным тоски взглядом.

Валентин вскочил на ноги, побежал к девушке, на ходу крича – Анечка, девочка моя, я думал, что потерял тебя! Господи, где же ты была целый год? Где ты жила?

Анна, как – то странно посмотрела на Валентина, повернулась и пошла по берегу. Валентин шел за ней. Она остановилась, выставив вперёд руку, словно просила не двигаться. Затем посмотрела себе под ноги, присела на корточки и стала водить рукой по тому месту на берегу, где был песок. На песке появились слова, но Валентин не мог их разобрать. Затем девушка поднялась и отошла в сторону. Валентин подошел ближе и прочел то, что написала Анна. Почерком Анны, на песке были начертаны слова – Повинись и расскажи родителям. И я тебя отпущу.

У Валентина все похолодело внутри. Он стал понимать, что так и не нашел Анну. Но и не мог понять, почему он так ясно её видит, словно она живая. Как это может быть?

Он видел, как Анна, словно невесомая, пошла по воде в надвигающиеся с моря сумерки. Она уходила навсегда.

А Вера уже под утро следующего дня подъезжала к своему городку. И по дороге к дому она для себя решила, что больше никогда не подвергнет себя никаким испытаниям по собственной глупости. Слишком уж высока цена расплаты.

Двойник соседки

Надежда с мужем и маленьким сынишкой перебирались в новое жильё. Они купили половину дома на окраине городка в частном секторе. Тётушка Надежды, Лидия Фёдоровна, не хотела отпускать племянницу. Она привыкла к детскому смеху в доме, да и с молодыми жилось легко. Горько ей было одной оставаться в большом пустом доме. Но Надежда обещала часто навещать, да и новое жильё было не за горами, а метрах в трёхстах от дома Лидии Фёдоровны.

Со своей соседкой, занимавшей вторую половину дома, Надежда познакомилась уже на следующий день. Соседка оказалась миловидной женщиной пятидесяти пяти лет. Назвалась Натальей Михайловной и предложила зайти попить чайку, заодно и познакомиться поближе. Надежда не отказалась и уже вечером, встретив с работы мужа, взяла Сережу и пошла поболтать к соседке.

Наталья Михайловна жила скромно, но в доме было очень уютно и чисто. За чаем разговорились, и Надежда узнала, что соседка живёт в этом доме уже не один десяток лет. Приехала сюда с мужем, да вот только мужа уже пять лет нет в живых. Вторая же половина дома немало хозяев повидала. Люди долго не задерживались, покупали новое жильё и съезжали.

Как соседи, Надежда с Натальей Михайловной ладили. Да и в помощи друг другу не отказывали. Серёжа охотно оставался с добродушной бабой Наташей, которая умела ладить с мальцом. И Надежда в долгу не оставалась. То воды Наталье наносит, колонка во дворе стояла, то в магазин за продуктами ходит. У Натальи ноги побаливали, и Надежда её жалела.

Год прошёл спокойно. Близились лето, весенние прохладные деньки проходили, воздух за день прогревался, и вечерами было приятно посидеть во дворе. Надежда вышла во двор дома с сыном. Серёжа играл с котом, Надежда, сидя на скамеечке, довязывала детский свитер. Она услышала, как хлопнула дверь соседки. Наталья шла поболтать перед сном.

Темнело. Наталья попрощалась и пошла к себе, а Надежда ещё недолго посидела на скамеечке с сыном. Она видела, как Наталья, одетая в ночную рубашку, помахала ей в окошко и затем погасила свет в комнате.

Пора было кормить Серёжу и укладывать спать. Через час, уложив сына, Надежда взяла постиранное детское бельё и понесла полоскать к колонке во двор.

Развешивая бельё на верёвке, Надежда заметила силуэт человека во дворе Натальи. Подошла к забору, присмотрелась. По двору расхаживала сама Наталья, на которой была одета тёмная кофта. Надежда её окликнула, спросила, почему та не спит. Наталья, даже не посмотрев в сторону соседки, прошла в дом и захлопнула дверь.

Надежда, справившись с делами, отправилась в спальню. Пётр, её муж, смотрел новости. Телевизор работал тихо, и Петр сидел на стуле, почти уткнувшись носом в экран.

— Петь, слышишь, я сейчас во дворе соседку видела. Она по двору бродила, что-то высматривала. Странно как-то.

Пётр отвернулся от экрана, внимательно посмотрел на Надежду.

— Ну и что странного? Она же в своём дворе ходила?

– Да в своём, в своём. Так я видела, как она в ночнушке мне махала в окошко, а потом свет выключила. Я ещё с Серёжей во дворе была. Она же спать легла. Да и потом, ведь я её окликнула, а она на меня даже не посмотрела.

Пётр махнул рукой-

– Да мало ли что ей надо было, может, что забыла во дворе.

На следующий день Надежда встретила Наталью возле дома. Надежда спросила, что у Натальи вечером случилось, что ей пришлось встать с кровати и выйти во двор. Наталья удивлённо смотрела на соседку и явно ничего не понимала.

– Никуда не выходила. Как легла спать, так и проспала до самого утра. Поднялась в восемь часов, умылась, чаю попила, да к Тамаре пошла. Она просила с Варей посидеть, а сама к стоматологу побежала. Может, ты спутала с кем? Так калитка изнутри запирается, да и высокий у меня забор.

– Да не могла я спутать. На вас тёмная кофта была надета, а на ногах ботинки.

Наталья прижала руку к груди.

– Надя, я отродясь тёмных кофт не носила, не люблю я тёмный цвет. А ботинки уже давно почистила и в комод спрятала. Да и чего бы я одевалась? Чтобы во двор выскочить? Накинула бы платок, да вышла.

В середине лета задумал Петр воду в дом провести, да туалет расширить и утеплить. Заодно уж решил и кровлю перекрыть. Взял отпуск и занялся ремонтом. Надежда ему помогала, как умела. Серёжа почти всё время находился у бабушки Лиды.

Однажды утором, Наталья позвала Надежду и попросила – Надя, мне надо в больницу съездить. Я там задержусь, а мне сегодня должны пенсию принести. Так я тебе паспорт оставлю и доверенность, а ты получишь. А то после мне придётся самой до почты добираться. – Отдала паспорт, доверенность и пошла собираться. А где – то через полчаса Надежда, стоявшая у калитки видела, как она садилась в рейсовый автобус.

Со двора Надежду позвал Пётр, но она решила сначала забежать в туалет. Когда присаживалась в туалете, краем глаза заметила, что наверху в сломанном проёме стены, кто – то есть. И действительно, на новых досках потолка в проёме стояла собственной персоной Наталья. На ней была чёрная тёплая кофта и стояла она, сложив руки на груди, и в упор, глядя на Надежду.

– Михаловна, Что Вы там делаете? Да и как вы туда попали? – А потом завопила – Ну, что вы на меня пялитесь?

И когда до неё дошло, что этого просто не может быть, поскольку она собственными глазами видела, как несколько минут назад Наталья на своих больных ногах доковыляла до автобуса, а затем сев в него, уехала, то, забыв натянуть трусы, Надежда с воплями вылетела из туалета во двор.

После этого случая Надежда наотрез отказалась жить в доме. Вечером этого же дня она ушла к тётке, а через два дня Пётр купил другой дом, но уже без соседей.

А тётка Лидия рассказала племяннице, что у Натальи в молодости был отвратительный характер. И с соседями она не уживалась. Это сейчас, когда она потеряла всех своих родных, она стала к людям лучше относиться. Видно страшно ей одной. А своего двойника она сама вырастила, вот теперь и делит с ним своё жилище.

Конечно, сама то она и не подозревает, кто с ней рядом остался. Только вот от прошлого никуда не денешься, будет оно за тобой ходить до самой кончины. Может и хотела бы

Наталья забыть и отринуть все те мерзости, которые людям по молодости, да по глупости сделала, да вот только вторая половина её сути не хочет далеко уходить. Всё ждёт своего часа. Не так уж легко избавиться человеку от своих прежних привычек и спят они до поры, до времени...

Картина

Художник работал над картиной несколько лет. Он мало спал и совсем забыл о своих родных и друзьях. Его окна были плотно затянуты шторами, в квартиру никто не входил, кроме пожилой доброй женщины, жившей с ним по соседству. Она заботилась о нём, принося с рынка продукты и готовя ему еду. Перестирывала вещи, убирала комнаты. Она никогда не беспокоила его разговорами и делала свою работу тихо, и художник был благодарен ей за доброту.

И вот настал тот день, когда его картина появилась на выставке. В массивной тёмной раме, она висела на боковой стене зала и занимала практически всю поверхность. Когда с неё сняли защитное полотно, то люди увидели холст, покрытый белилами. И больше ничего.

Весь день мимо холста проходили посетители. Некоторые останавливались, и вслух высказывали свои эмоции, кто – то бросал косые взгляды и молча проходил мимо. Художник сидел на стуле в углу зала и наблюдал. Вечером, когда схлынула толпа ценителей искусства, художник попросил служителей затянуть полотном картину и снять его только утром, перед первыми посетителями.

На утро, как и было обещано, служители сняли защитное полотно с картины, когда в зал вошла первая экскурсия во главе с гидом.

Ткань упала на пол, а люди отшатнулись от картины. Картина жила. Её полотно выглядело устрашающе. Огромные бурые кляксы расплзались по её поверхности, цепляясь друг за друга длинными щупальцами, переплетаясь между собой и перемешиваясь. Из этих пятен выступали очертания лиц с орущими ртами, злобными оскалами и гримасами ненависти. Картина зашептала. Шёпот нарастал, и вот уже можно было разобрать некоторые фразы. Люди притихли, на многих лицах появилось недоумение, некоторые были просто поражены услышанным.

Картина дышала. Полотно стало наполняться чем – то изнутри и разрастаться. Люди отступили в глубину зала, но продолжали, как замороженные, неотрывно смотреть на картину. И вдруг в правом нижнем углу холст дал трещину.

И тогда, в звенящей тишине зала, откуда – то из глубины картины, раздался чистый и звонкий детский голосок. – Мамочка, посмотри, какое большое полотно! Вот бы мне такое! Я бы нарисовала на нём большое – пребольшое солнышко!

И как только затих детский голосок, картина мгновенно успокоилась. Краски стали блекнуть, а затем и вовсе пропали. Полотно заискрилось белизной и на нём, словно по мановению волшебной палочки, проявился сначала выпуклый круглый контур, окрасившийся в оранжевый цвет, а затем от него потянулись к краям картины длинные лучи. Картина засияла оранжевым солнцем, и с холста по залу разлился яркий свет. Солнечные зайчики весело запрыгали по живописным полотнам, заставляя их оживать.

Художник стоял у окна. Он наблюдал за маленькой девочкой, играющей в саду, в который выходили окна выставочного зала. Его серые, с лёгким прищуром глаза искрились, на губах играла лёгкая улыбка. Это она, маленькая фея, спасла его картину, когда вчера, перед самым закрытием выставки, вбежала в зал, держа в крохотной ручке большой розовый шар на длинной нитке.

Колье

Дом на окраине городка горел всеми окнами. Отблески огней плясали на белом снегу, кружились в воздухе яркими снежинками. Внутри дома было жарко натоплено, а на улице протяжно выла метель.

В большой спальне на втором этаже, заставленной старинной мебелью, на широкой кровати, стоящей недалеко от камина, умирала больная женщина.

Рядом с кроватью умирающей, на стуле с высокой резной спинкой, наклонившись к женщине, сидел молодой мужчина. Мужчина держал руку женщины в своей руке. На его лице была гримаса скорби и боли, глаза неотрывно смотрели на лицо умирающей.

Женщина открыла глаза. Её грудь колыхнулась, сделав слабый вдох. Рука несильно сжала руку сына. Чуть слышно заговорила. Мужчина наклонился почти к самому лицу умирающей, чтобы расслышать слова.

– Не горюй, просто время моё пришло. Так уж получилось. Жаль мне только, что деток твоих не увижу. – Женщина тяжело вздохнула и стала резко бледнеть. – Хочу сказать тебе – Колье, которое осталось у меня от матери... – Она не закончила фразу, как – то странно посмотрела на сына и замолчала.

Мужчина сжал ещё тёплые ладони матери и заплакал. Почти до утра он просидел у постели ушедшей матери, затем спустился в гостиную, прилег на диван. Будить жену он не решился, да и помочь она ничем не могла. Был слишком ранний час, чтобы начинать заниматься приготовлениями к похоронам.

К вечеру дом был наполнен родственниками, приехавшими проститься с умершей. Помочь с похоронами Прохору вызвались его дядька Иван, племянница матушки Анна и брат Прохора Виктор. Женщины хлопотали на кухне. Одна только жена Прохора Марина, не принимала во всем этом участия. Она почти не выходила из спальни, целый день лежала на кровати, листала модные журналы. Утром, когда Прохор сказал ей, что матушка скончалась, она без тени сожаления, пожала плечами, ни проронив ни единого слова. Прохору на миг показалось, что по лицу Марины скользнула улыбка. Но он подумал о том, что Марина просто устала от длительной болезни матушки, её вымотало и то, что ей одной приходилось оставаться долгими днями с больной, а ему уже лезет в голову всякая ерунда от бессонной и тяжёлой ночи.

Прошло три месяца. Весна отвоёвывала свои права. Капли звонко стучали по тротуарам, барабанили по крышам и подоконникам, солнце, грея стылую землю, выкатывалось ярким шаром на самую середину голубого неба и подолгу не уходило к закату.

Марина сквозь стекло большого окна в зале смотрела на лужайку. Посреди лужайки стояла белая мраморная беседка с широкими скамейками внутри, по центру беседки красовался мраморный столик. Летом беседка была плотно увита плющом, дававшим густую тень.

Покойная свекровь Марины, Ольга Михайловна любила отдыхать в беседке летними жаркими днями. Она часто уединялась там наедине с книгой до самого вечера, уходя из душного дома.

В доме хозяйничала Нина, домработница, приезжавшая по утрам и уходящая после пяти часов вечера. Нина была спокойной женщиной, работу по дому делала легко и варила вкусные обеды. Ольга Михайловна Нину любила и часто приглашала её к себе в комнату, просто поболтать.

Марину же Ольга Михайловна не любила и старалась, как можно меньше пересекаться со своей невесткой. Марина в доме появилась как – то слишком уж быстро. Прохор много работал, из дома уезжал рано, часто оставался ночевать в своем кабинете в здании фирмы.

С Мариной он познакомился совершенно случайно. Возвращаясь домой далеко за полночь, он посадил в машину молодую женщину, голосовавшую на дороге. Ночь была морозной, и женщина сильно продрогла. Прохор довез Марину до самого подъезда, помог выйти из машины. Марина стояла прямо под фонарём, и Прохор сумел хорошо рассмотреть молодую женщину.

Два дня образ красивой женщины не покидал мысли Прохора. На третий день он решил. Купив большой букет роз, Прохор поехал знакомиться. Расспросив у бабушек, тещававших у подъезда о тяготах жизни, в какой квартире живет молодая женщина и, описав её внешность, Прохор поднялся на третий этаж. Позвонил в дверь квартиры.

Дверь открыла Марина. А уже через месяц Прохор привел в дом молодую жену, зарегистрировав брак в присутствии двух свидетелей. Свадьбу они гуляли через неделю на большой яхте, а затем уехали в свадебное путешествие. Ольга Михайловна спокойно отнеслась к выбору Прохора. Он взрослый, не глупый и должен сам решить, с кем будет жить и растить детей.

Марина скучала, без дела слонялась по дому, иногда целыми днями валялась в постели, листая яркие журналы. Прохор не хотел, чтобы Марина работала, уставала и пропадала на работе целыми днями. Спустя два месяца после свадьбы, у Марины появилась своя машина и она стала выезжать в город, когда Прохор был занят на работе. Она ездила к подругам, по магазинам и часто приезжала домой уже под вечер, перед возвращением мужа с работы.

Ольга Михайловна за покупками ездила на своей машине с Ниной. Сама Ольга Михайловна за руль не садилась, машину вела Нина. А Ольга Михайловна просто наслаждалась поездками. Ей нравилось, как Нина управляет с машиной.

В один из дней, когда они ехали на рынок, Ольга Михайловна увидела автомобиль Марины, припаркованный на стоянке у входа в парк. Марина сидела в машине с молодым мужчиной. Ольга Михайловна попросила Нину припарковать машину недалеко, так, чтобы было видно салон Мариной машины.

Прошло полчаса. И за это время Ольга Михайловна поняла, что собой представляет её невестка. Она попросила Нину молчать и ничего не говорить Прохору, решив сама разобратся с Мариной. Это может быть лёгким увлечением, которое спустя некоторое время пройдет и Марина образумится.

Вернувшись домой, Ольга Михайловна ждала Марину, сидя на диване в зале. Марина появилась в десять часов вечера. Сухо поздоровавшись со свекровью, женщина хотела подняться в свою комнату. Но Ольга Михайловна попросила её задержаться. Марина удивленно вскинула вверх брови, с недоумением посмотрела на свекровь, но села на стул у стола и замерла с вопросом в глазах.

Ольга Михайловна подробно описала то, что они видели с Ниной днем. Пока свекровь говорила, Марина сидела бледная, испуганная. Затем она стала оправдываться и говорила, что встретила парня, с которым встречалась до того, как познакомилась с Прохором, и о том, что это было всего лишь прощание. Она клялась в том, что больше никогда с ним не станет встречаться. А Ольга Михайловна думала о том, что слишком уж бурным выглядело прощание. Разговор прервался с приходом Прохора. Марина быстро встала со стула, встретила мужа, помогла снять куртку, что до этого дня никогда не делала. Обычно Прохор её находил в спальне, занимающейся своими делами.

Сыну в этот вечер Ольга Михайловна ничего не сказала, решила подождать. Не сказала и на следующий день. Невестка никуда не отлучалась, сидела в своей комнате половину дня, и только к вечеру вышла в сад подышать воздухом.

Был понедельник, когда Ольга Михайловна и Нина ехали на машине в центр города. Дорога была мокрой от дождя, и Нина вела машину осторожно и на небольшой скорости. На перекрёстке они стали на светофоре, который горел красным светом. Дорога была пустая, пешеходов на переходе не было, редкие прохожие, спрятавшись под зонтами, спешили по своим делам. Из – за поворота, на большой скорости на перекрёсток вылетел грузовик, резко перестроился из своего ряда и пошел прямо на машину, в которой сидели женщины. Машину от удара отбросило на несколько метров назад, смятый капот и передняя часть машины оказалась под грузовиком. Затем грузовик сдал назад, развернулся и быстро уехал..

К месту страшной аварии спешили люди. Мужчина, который видел из окна кафе, стоящего недалеко от перекрёстка, как всё произошло, пытался рассмотреть номера грузовика, но номера были сильно заляпаны грязью, и ничего нельзя было разобрать. Кто – то пытался открыть двери смятой машины, девушка звонила по телефону, вызывая скорую и милицию, мужчина из кафе пытался вытащить стекло из дверцы.

Нина погибла сразу на месте аварии, а Ольгу Михайловну увезла скорая помощь в критическом состоянии в больницу. Женщины уехали из дома, не взяв с собой паспорта. В машине нашли только права Ольги Михайловны, и доверенность на машину, на имя Нины.

Прохор нашёл мать в больнице поздно вечером, обзвонив всех знакомых, затем больницы. Он сразу же нанял сиделку, да и сам старался, как можно чаще оставаться с матерью. Из комы Ольга Михайловна вышла через десять дней. Прогноз врачей был не утешительным. Женщина была парализована. Домой Прохор забрал Ольгу Михайловну умирать. Врачи уже ничего не могли сделать, а оставлять мать в больнице Прохор не хотел. Если ей осталось жить совсем мало, то пусть она проживет это время в родных стенах, решил мужчина.

Марина отошла от окна и, подойдя к платяному шкафу, открыла дверку. Она выбирала платье, которое можно будет надеть на вечеринку по случаю дня рождения её друга. Вече-

ринка будет за городом, и она поедет туда со своей подругой. Прохор уехал договариваться с партнёрами по бизнесу в другой город и вернётся только через три дня. А пока она представлена себе и своему другу. Марина позаботилась и о том, чтобы даже служанка не маячила перед глазами, пока Прохора нет дома, и дала ей выходные.

Платье было выбрано, оно шло к её яркой внешности и хорошо сочеталось с цветом глаз. Марина достала шкатулку с драгоценностями и стала надевать кольца на тонкие изнеженные пальцы. Затем она примерила тонкое ожерелье, покрутилась перед зеркалом, сняла ожерелье и положила его в шкатулку. Марина решила померить кольцо, которое Прохор не отдал ей после смерти матери, а спрятал его в сейфе. Он строго – настрого запретил Марине его брать. Но Марина узнала код сейфа, который Прохор занёс в записную книжку. Она частенько таскала денежные купюры из сейфа, когда Прохор был на работе. Брала так, чтобы не было заметно, маленькими суммами. Но кольцо не трогала, что – то её останавливало.

Но сегодня вечером Марина хотела блистать на вечеринке. А кольцо очень хорошо будет смотреться на её белой нежной шее. Сделанное искусным ювелиром, кольцо сверкало многоцветием дорогих камней в золотой огранке. Ольга Михайловна получила его от своей матери в качестве подарка на свадьбу. Изначально кольцо появилось в семье, когда знаменитая княжна вручила его в благодарность прабабке Ольги Михайловне за спасение своего малолетнего сына. Прабабка, будучи при дворе княжны, буквально выхватила ребёнка из – под ног взбесившейся лошади, которая понесла наездника не разбирая дороги.

Княжна просила, чтобы кольцо всегда оставалось в семье и никому не передавалось. Она рассказала, что кольцо оберегает членов семьи и не должно попадать в чужие руки. Но Марина не знала подробностей о появлении кольца в семье.

Достав кольцо из сейфа, молодая женщина надела его и встала перед зеркалом. Ей понравилось своё отражение и довольная, она стала собирать мелочи в сумочку. Подруга заехала за Мариной минут через двадцать. Сигнал клаксона Марина услышала в прихожей. Она вышла из дома, закрыла дверь, включила сигнализацию и вышла за ворота.

За город женщины добрались без приключений. Всю дорогу трещали о пустяках. Марина хвасталась тем, что смогла попользоваться кольцом, которое муж от неё спрятал. Подруга смеялась и говорила о том, что Марине с мужем повезло. Она всегда при деньгах, имеет возможность проводить время с любовником и никто её уже не контролирует.

Вечеринка была в разгаре, когда Вадим, притянув Марину к себе, отвёл её в угол комнаты.

– Мариночка, ты сегодня блистаешь! А это кольцо, откуда оно у тебя? Я раньше его не видел. Ну, скажи мне, когда это всё уже закончится, и мы будем вместе? Мне надоело делить тебя с твоим мужем!

Марина вывернулась из цепких рук Вадима, успокоила – Да скоро уже, осталось всего несколько дней! Ты же хочешь большие деньги? Я могу уйти хоть сейчас, но ведь тебя это не устроит. Что мы будем делать без денег, жилья? Может, ты сможешь заработать на шикарную жизнь? Да и потом, как ты собираешься это сделать? Так же, как со свекровью? А если он не погибнет сразу, а останется инвалидом? Ладно, не дуйся, я ведь правду говорю. – Марина чмокнула Вадима в щеку. – Я на минутку в туалетную комнату, а ты иди в компанию и жди! – Марина улыбнулась, повернулась на каблучках и вышла из комнаты.

В туалетной комнате было пусто. Марина подошла к туалетному столику, посмотрела на своё отражение в зеркале. Она поправляла кольцо, когда в зеркале стало что – то происходить. Сначала Марина увидела нечёткий силуэт позади своего отражения. Марина обернулась, но в комнату никто не входил. Она снова посмотрела в зеркало. На неё, из зеркала, смотрела красивая высокая женщина, в пышном атласном платье зелёного цвета. На шее женщины было кольцо, которое было на Марине. Женщина в упор смотрела на Марину, а затем, скорчив на лице злую гримасу, погрозила Марине пальцем.

Марина, испугавшись, сделала шаг назад. И вдруг она почувствовала, что ей не хватает воздуха. Было ощущение, что кольцо начинает сжиматься и не дает дышать. Марина стала терять сознание. Она пыталась сорвать кольцо, но ей не удавалось зацепиться за кольцо пальцами, оно словноросло в кожу. Уже падая на пол, она снова увидела в зеркале женщину. Женщина наблюдала.

Марину нашли через полчаса. Помочь ей уже никто не смог. Она была мертва. На зеркале осталось большое мутное пятно, похожее на силуэт женщины. Кольцо, которое было на Марине, исчезло.

Не отдать душу ведьме

Машина мчалась в сумерки по широкой трассе за окраину города. Вот уже и последний квартал остался позади. Огни города таяли в надвигающейся темноте, отодвигались всё дальше и дальше. А впереди черной полосой стоял холодный лес. Была пора глубокой осени, когда постоянные проливные дожди, несут с собой тоску низкого серого небосвода и пронизывающее отчаянье порывистых ветров.

Алина с Женькой ехали к друзьям, которые вот уже третью неделю сидели на своей загородной даче. Взяв отпуск, эта парочка не захотела заморских путешествий, отказавшись от предложенных путёвок, и просто удалились от своих родственничков и надоедливых знакомых в тихое и уютное местечко, где достать их было трудно. Отпуск им был положен продолжительный, домой возвращаться они пока не собирались, но по общению с Женькой и Алиной соскучились и, вызволив их по телефону, пригласили на выходные. Ребята решили не отказываться и друзей уважить.

Да и Алина рада была случаю побыть рядом с любимым выходные дни. Не ладилось что – то у них в последнее время. Женька уже несколько недель раздражался по – всякому пустяку. То ластится, как мартовский кот, то рычит, как голодный лев. Потом опомнится, прощения просит, говорит, что и сам не понимает, что с ним происходит. Да и на усталость сильную стал жаловаться. Раньше почти каждый день виделись, да и дело вроде как к свадьбе шло, а в последнее время, домой приходит, да только сил и остаётся, что до дивана доползти. Звонит, извиняется, что прийти не может.

Алина настояла, чтобы Женька к врачам обратился. Всех врачей прошёл, анализами замучили. Ничего не нашли. Здоров, как молодой бычок. Алина натащила ему из аптеки всяких витаминных препаратов, пить заставила. Ничего не помогало. Врачи всё списали на хроническую усталость, мол, отдыхать больше надо, всех денег не заработаешь. Но дело явно было не в работе, да и работа у Женьки такая, на которой сильно не вспотеешь. Там в основном мозги хорошие нужны.

Программистом Женька работал. Единственно, что можно на такой работе заработать, так это мозоли на том месте, на котором сидишь, так за это ещё и деньги большие платили. Женьке работа его нравилась, да и раньше он никогда на усталость не жаловался. А сейчас даже лицом осунулся. Начальник его уже готов был ему отпуск предоставить, да Женька отказался.

А тут ещё в выходной день, побежала Алина на рынок, уж больно ей там курточка понравилась. Давно хотела её выкупить, да всё времени не было. Пробивается через толпу к палатке, чувствует, что её за рукав тянут. Остановилась, рядом женщина. Одета она прилично, аккуратно причёсана, очень красивая. Смотрит Алине в лицо своими огромными глазами, внимательно так смотрит. А глаза чёрные, как омут, так и затягивают. Да и говорит – «Ох, девка! Беда к тебе идёт, близко уже. Сумеешь одолеть, всю оставшуюся жизнь счастливой будешь, не сумеешь, любимого человека потеряешь», – сказала так и в толпе исчезла. Алина несколько минут столбом стояла, только когда в себя приходила стала, поняла, что женщина эта цыганка. Жутко стало. Цыганка ничего не попросила за предсказание, и от этого стало ещё страшнее. Алина палатку нашла, куртку выкупила, да бегом домой. Дома всё нормально, Женьке позвонила, тоже всё спокойно, да и чувствовал себя он хорошо. И Алина подумала, что цыганка могла напутать, увидев какие – то отрывки из прошлого, те

волнения, когда Женьке плохо было. Но всё равно в памяти её слова держала, глубоко они в душе засели, как и взгляд глаз её чёрных.

В машине было тепло, уютно. Да и Женька был водителем отменным, машину вёл мягко, и её только слегка покачивало на трассе. Пока ехали по городу, всё время болтали. Вспоминали, как гуляли на свадьбе у друзей, как потом вместе поехали на юг и провели там целый месяц. Вспоминали и о том, как они там были счастливы. Они и сами хотели расписаться в июле и, в свадебное путешествие, снова поехать к Чёрному морю, да непременно на машине и дикарями, чтобы успеть посмотреть всё побережье.

Город удалялся, и Алина почувствовала, что навалилась усталость. День был суетливым, пока с работы прибежала, да потом ещё вещи надо было собрать, да из еды кое – что прихватить с собой.

Задремала. Женька приёмник прикрутил, не хотел мешать.

Впереди развилка показалась. Темно уже совсем стало. Ветер сильный поднялся, дождь накрапывает холодный. Ребята сказали, что на развилке два указателя, по ним и ориентир находить. Да указателей не видно. Женька машину остановил, фарами светит, а указатели то ли перевернулись, то ли ветром их просто сорвало. Хотел из машины выйти, но Алина его остановила, сказала, что сама посмотрит. Из машины выскочила, к развилке пошла. Только стала к столбику приближаться, а ей навстречу, прямо со стороны леса женщина вышла.

Алина стала присматриваться, дорогу хотела спросить. А женщина и сама к ней идёт. Высокая, волосы светлые почти до пояса, пальто чёрное длинное, сапожки. Подошла близко, Алина уже и лицо её чётко видит. Красивое лицо, вот только глаза жуткие, колючие глаза. Такие раз увидишь, надолго запомнишь. Остановилась напротив, смотрит на Алину. А Алину страх сковал от её взгляда, двинуться не может, что хотела, забыла. И вдруг под ногами женщины земля серой стала, как пепел, и этот пепел стал женщину обволакивать с головы до ног. И пропала она в этом пепле, растворилась. Закружился пепел столбом и стал на Алину надвигаться, да всё норовит набиться ей в рот, в глаза и уже в ней самой растворяться стал. Замутило Алину, уж и свет в глазах меркнуть стал. Напряглась из последних сил, опомнилась Алина, стала от мерзости отбиваться и стряхивать с себя. Всю одежду на себе порвала, как за нити мерзость из себя вытягивала и ногами топтала. Все волосы с головы выдернула, боялась, что гадость в волосах останется. Билась она насмерть, готова была плоть свою растерзать, но не дать этой нечисти душой её завладеть. И отступилась тёмная сила, пропала. Алине стало легче, только от усталости покачивало. Стоит она на перекрёстке, голову ощупывает, а на ней почти волос нет. Одежду в лохмотья разодранную, поправляет. Назад обернулась, а к ней Женька бежит. Обнял её и спрашивает – «Алина, что случилось. Ты остановилась, и, как заснула. Ветер такой сильный, ты же замёрзнешь. Пойдём в машину, всё нормально, я уже по карте определился, куда нам ехать». И Женька повёл её к машине. Алина снова голову свою трогает, и понимает, что все волосы на месте, да и одежда в полном порядке. Сели в машину, поехали.

Машину качнуло, Алина проснулась, сладко потянулась. Впереди была развилка. На указателях крупными буквами выписаны направления дорог. Женька повернул направо, и машина покатила через небольшой лесок. Ещё немного дороги и они приедут.

У Алины перед глазами стояло лицо женщины из сна. Она точно знала, что никогда в жизни она с ней не встречалась. Да и сон, какой – то жуткий. Во всяком случае, такой кошмар приснился ей впервые. И что он значил, понять она не могла.

Минут через двадцать подъехали к даче. Женька стал дурачиться и сигналил через каждую секунду. Первым за ворота выскочил Олег, он покрутил пальцем у виска, сказав, что Женька сейчас перепугает всех дачников, и они сбегутся, да намылят ему шею. Поэтому все быстро эвакуировались из машины и забаррикадировались на территории дачи за высоким забором.

Наталья вышла из дома, на ходу надевая лёгкую курточку. Ребята прыгали от радости встречи и всё спрашивали, как там дела на воле в большом городе.

Алина с Натальей в дом пошли, на стол накрывать, Олег с Женькой появились, когда уже почти всё готово было. Олег всё домом хвастался, да участком, который он сам и деревьями засадил, и дорожками вымостил. На участке и баньку поставил.

Ужинали, болтали о планах на выходные, как проводить будут. Женьку как подменили, вроде и хандры никакой не было. Алина подумала, что ему просто до чёртиков надоела безвылазная жизнь в городе и надо бы почаще выезжать за город. Музыку включили, танцевать стали. Женька танцует, Алину к себе прижимает, да так на неё смотрит, как будто год не видел. Потом остановился, подошёл к плееру, сделал тише, повернулся к ребятам. Он сказал тихо, но слышали все – «Алина, давай больше тянуть не будем и завтра подадим заявление. Какая разница, когда свадьбу играть? Пожалуйста, не раздумывай, ведь я тебя очень – очень люблю. Ты же знаешь. Я и сам не понимаю, что со мной было. А сейчас, как пелена с глаз упала». Алина подошла к Женьке, чмокнула его в щёку, сказав, что ей без разницы, в какое время года играть свадьбу. Весь остаток вечера Женька дурачился, как ребёнок и таскал Алину на руках.

На следующий день, напарившись в бане, ребята растопили камин и, сидя за столом, пили ароматный мятный чай с лимоном. Олег откуда – то притащил альбом. Стали смотреть фотографии. Сначала все свадебные пересмотрели, смеялись испуганному выражению лица Олега, когда пару фотографировали в момент регистрации. Потом Олег стал показывать фотографии сотрудников своего офиса, где и Женька работал. Алина вертела фотографии, расспрашивая о сотрудниках, Женька рассказывал, кто и кем работает.

– А вот наш отдел, все сотрудники. Нет, на одну меньше стало. Вот эта женщина три дня назад уволилась, говорят, заболела. Жалко её, но в отделе её не любили. Говорили, что два раза замуж выходила, да мужья её через два года умирали. Магией занимается. В отделе она ни с кем не дружила, побаивались её. Уж слишком взгляд у неё тяжёлый, посмотрит, как ударит. Кстати, около меня увивалась, сядет рядом, да всё замаслить пытается. А мне она неприятна была, злиться начинал, что работать мешает.

Женька болтал, а у Алины сердце холодело. С фотографии на неё смотрело лицо женщины из её кошмарного сна. Она сама, не понимая, что делает, вырвала из рук Женьки фотографию и пошла к камину. На секунду задумалась и бросила её в огонь. Фотография оплавилась и превратилась в пепел. А Женька сидел за столом и растягивал в улыбке рот. Он то подумал, что Алина его просто приревновала. А Алина вспомнила слова цыганки, и была ей благодарна, ведь не даром говорят – «Предупреждён, значит вооружён».

Проклятие

Марья Степановна и Лидия Ивановна жили в одном доме, на одной лестничной площадке и были с давних пор хорошими приятельницами. Марья Степановна, маленькая сухонькая старушка, жила одна уже лет десять, после того, как похоронила мужа. Лидия Ивановна жила со своим внуком Геней. Родители Гены, спивающиеся и не работающие, жили в небольшой деревеньке под Курском. Лидия Ивановна, видя, как Гена после школы шатается по деревне без присмотра и голодный, забрала его к себе ещё мальцом. Тогда она ещё работала, но до пенсии было не так уж и далеко, а сил с каждым годом оставалось все меньше.

Гена ходил в школу, затем поступил в училище. В это время Лидия Ивановна была уже на пенсии, но продолжала работать. На жизнь хватало, конечно, не было излишеств, но в доме всегда была еда, да и одежду можно было купить подешевле на рынке. Гена окончил училище, устроился на работу. Работал в одной из частных строительных фирм, которых после перестройки, в городе было множество.

Город разрастался, фирма получала хорошие заказы, платила хорошие зарплаты своим работникам. Гена радовался стабильному заработку и мечтал поступить в институт. Ходил на подготовительные курсы, завел друзей, появилась у Гены и подружка, девушка девятнадцати лет, смешливая и очень привлекательная. Гена познакомил Леночку с бабушкой, и Лидия Ивановна была рада Леночке. Теперь – то Генка и вовсе остепенится, а то всё с друзьями вечерами где – то пропадает. А девочка у него хорошая, покладистая такая, с добрым сердечком – думала Лидия Ивановна.

Но не прошло и месяца, как Леночка перестала появляться в доме, а Лидия Ивановна так и не смогла добиться от внука, куда это Леночка пропала. Гена угрюмо молчал, или отвечал, что сам разберётся со своими подружками. Лидия Ивановна обижалась, но с внуком спорить не хотела. А тут ещё и напасть навалилась, Гена стал часто болеть. Вечером приходит с работы вроде здоровый, даже с ребятами встречается, а под утро плохо ему становится, в одеяло кутается, и чаем горячим отпаивается. Лидия Ивановна всё думала, что внук на сквозняках постоянных простывать стал, организм же не железный, да и работа тяжёлая.

Гена бросил тяжёлую работу, стал искать фирму, которая занимается внутренней отделкой помещений. Руки у Гены были умелые, за полтора года работы он хорошо освоил профессию и не сомневался в том, что сможет быстро найти работу в другой фирме. Но что – то пошло не так, и ему постоянно отказывали. Время шло, деньги заканчивались, а работы не было. Курсы пришлось забросить, платить стало нечем. Друзья помочь ничем не могли, у друзей деньги заканчивались так – же быстро, как и у Гены.

Лидия Ивановна часто навещалась к соседке поболтать, попить чайку. Всегда приходила со своей вкусной выпечкой. А тут перестала появляться, пропала на целую неделю. Марья Степановна сама решила сходить к соседке. Купила в магазине выпечки в виде пирожков, коробочку не слишком дорогих конфет и отправилась в гости. Прейдя лестничную площадку и собираясь нажать на звонок, услышала звон стекла на лестничной площадке этажом выше. Она поднялась по лестнице к окну, выходящему во двор. Стекло в нижней части разлетелось вдребезги, а в верхней стало висеть острым клином. Что произошло, женщина не поняла, но подумала, что очевидно сквозняком ударило раму о стену.

Она вернулась на площадку, позвонила в дверь соседки. Дверь открыл Гена. Он стоял перед Марьей Степановной, закутанный в одеяло, с голыми ногами, в домашних тапках. Его бил озноб. Гена впустил в квартиру Марью Степановну, крикнул – Ба! – и ушел в свою комнату. Лидия Ивановна проводила подругу на кухню.

Они пили чай и разговаривали. Лидия Ивановна ничего от подруги скрывать не стала, рассказала о проблемах Гены и о том, что не знает, как теперь жить. Пенсия была настолько мала, что ей одной едва хватало, а внука кормить надо. Да и молодой он. Как ему, молодому, можно прожить без работы? А тут ещё болеть стал, да так часто, что она уже и не знает, как он на работу пойдет, если даже и найдет что – то подходящее. Лидия Ивановна плакала.

– Думала, вот, подрастёт Генка, опорой мне будет. Я же его на себе тащила больше десятка лет. Хотя и училище, но всё же окончил, специальность неплохая, деньги хорошие можно зарабатывать. Да и руки у парня есть. Я ему всё говорю, чтобы врачам показался, а он всё отмахивается, да говорит, что врачи не помогут. А кто ж ему поможет, если он болеет? Только врачи и помогут. Но не идёт. Я же не могу его на поводу повести. Вон, второй день его уже трясёт. Ничего не ест, только воду литрами пьёт, да таблетки какие – то глотает, говорит от температуры.

Женщины говорили до полуночи. Решили, что завтра вместе сходят за пенсией, вернуться домой, возьмут сумки и после пройдутся на рынок, купить продуктов. На том и разошлись.

На другой день женщины вернулись с почтового отделения около десяти часов утра. Лидия Ивановна пригласила подругу выпить чая, а уже после идти на рынок. Чай пили на кухне, разговаривали. Гена был в своей комнате, закутанный в одеяло, спал на кровати. Лидия Ивановна не стала его будить, закрыла дверь на кухню, чтобы не потревожить спящего внука.

На рынок они добрались в полдень. Неторопливо прошли по рядам, прицениваясь. Лидия Ивановна нашла недорогой и крупный картофель, а Марья Степановна приглядывалась к курам, большими горами лежащих на открытых прилавках. Куры были крупными и белыми, только завезёнными для продажи. Она выбрала куру, полезла за деньгами в карман, но карман был пуст. Она посмотрела в сумку. Но и в сумке ни денег, ни паспорта она не нашла. Карман на курточке был застёгнут на молнию, что и удивило Марью Степановну. – Вот дурёха, надо было оставить пенсию дома, а я потащилась с ней на рынок, да ещё и паспорт взяла. Вот глупая! Ведь этот рынок всегда славился ворами, как я, глупая, об этом забыла? – Подумала Марья Степановна. – Теперь она останется без покупок, да и ещё без денег. Хорошо, что дома лежит небольшая сумма, можно будет до следующей пенсии дожить.

Лидия Ивановна забирала пакет с картофелем, когда её нашла Марья Степановна и рассказала о случившейся с ней неприятности. Возвращались подруги с рынка расстроенные. Мало того, что деньги пропали, так ещё и паспорт восстанавливать придётся. А Лидия Ивановна всю дорогу хваталась за сердце, да проклинала воришку. – Пусть ему пусто будет, пусть на него все несчастья свалятся, пусть он сгинет с этого света! Нелюдям тут не место! – Говорила всю дорогу Лидия Ивановна, а Марья Степановна только головой в ответ кивала, да горестно вздыхала.

Они снова пили чай на кухне, да всё обсуждали пропажу. Плакали, говорили о том, как тяжело жить стало. На кухню, проснувшись, в одеяле вышел Генка. Его уже не так трясло, как с утра, и он попросил бабушку налить чая. Марья Степановна жалела Генку, она то понимала, что Генка не может быть вполне здоров. Родители его пили уже давно, ещё Генки не было, а уже пили. Малец не очень здоровым родился, болел часто по недосмотру родителей. И, если – бы не Лидия Ивановна, то неизвестно, чем бы Генка вообще занимался.

– Ничего – думала Марья Степановна – поправится Генка. На работу пойдет, все потихоньку образуется.

Генка выпил чай, согрелся и, сказав, что пойдёт на лестницу покурить, вышел с кухни. Входная дверь хлопнула, Генка ушёл на площадку, а женщины остались допивать чай. Минут через пятнадцать они вскочили со стульев оттого, что кто – то дико кричал на лестнице. Крик был женским и истошным, так кричат, когда видят что – то очень страшное. Женщин сковал ужас. Но они пересилили себя и поспешили открыть дверь на площадку. Молодая женщина, бросив на пол продуктовые сумки, стояла у лестницы и показывала рукой вверх, на тот пролет, где было разбито окно.

Генка перевесился через подоконник и казалось, что высматривает что – то или кого – то во дворе, если бы из его спины, прямо в том месте, где был позвоночник, не торчал огромный осколок стекла, вошедший глубоко в тело клином.

Лидия Ивановна, похоронив Генку, сообщила дочери, что её сына больше нет. Ответа от спившейся дочери она так и не получила. А уже через неделю после похорон, разбирая вещи внука, и делая уборку в комнате, Лидия Ивановна нашла под матрасом Генкиной кровати паспорт Марии Степановны, девять тысяч рублей, оставшиеся от пенсии Марии Степановны и маленький шприц с Генкиной кровью. Только тут, у Генкиной кровати она поняла, в какую беду Генка вляпался. Повинившись перед подругой за внука, Лидия Ивановна вернула ей украденный паспорт, отдала деньги и отправилась в церквушку. Ранее она в церковь не хаживала, знала, что у каждого своя церковь в голове и сердце. А тут испугалась, вспомнив о своем проклятии. Видно в сердцах сильно прокляла!

Разорвать замкнутый круг

Глава первая

Алексей сидел в ванной комнате на полу, прислонившись спиной к кафельной стене. Его левое запястье было исполосовано лезвием старой бритвы отца. Рядом с кистью руки на плитке пола уже образовалось большое пятно алой крови. Алексей смотрел на это пятно, и у него не было страха. Не было страха перед смертью. И не было никаких воспоминаний. Он просто смотрел на пятно крови, расползающееся у него на глазах, и ждал. Ждал когда начнёт засыпать. Неудобство доставляла только боль в области запястья, но он знал, что это скоро пройдет. Алексей закрыл глаза.

Воспоминания пришли сами собой. Они проносились перед глазами с быстротой молнии, словно кто – то невидимой рукой включал прожектор с кадрами Алёшкиной жизни. Они шли один за другим, не наслаивались друг на друга, чёткие и яркие, словно вырванные из памяти сюжеты.

Мама. Она стоит у таза с водой, в котором всегда стирала одежду. Руки по локоть в мыльной пене, на лбу бусинки пота, волосы падают на глаза, и она пытается рукой убрать их. А вот и сам Алёшка. Он ещё мал. Ему года два. Он бежит к матери, хватается за подол юбки. Мать вытирает фартуком руки и берёт сына. Целует, гладит мягкой рукой светлые волосёнки. Лёшка ощущает тепло матери, запах мыльной пены.

Отец. Вечно уставший от жизни и постоянно всем недовольный. Сидит за столом. Рядом вьётся мать, ставит на стол тарелку с супом, нарезает хлеб. Отец произносит что – то грубое, мать отворачивается, смахивает набежавшую слезу. Мужчина кулаком бьет по столу, тарелка с супом подпрыгивает, суп проливается на стол. Алёшка забивается в угол комнаты.

Брат. Он старше Алёшки на три года. Он ревнует Алёшку к матери. Ревнует сильно и страшно. Алёшка часто бывал бит братом, стоило только матери не надолго оставить детей в комнате одних. Коле попадало за драчливый характер, и за это он ещё больше ненавидел своего брата. Ревность Коли и неприязнь к братишке появилась сразу после того, как новорожденный появился в доме.

Мать кормит Алёшу, Коля стоит рядом и пытается ущипнуть братика за босую ножку. Мать ругает старшего сына, грозит пальцем. Коля дуется и начинает громко реветь.

Первый класс. Алёша с букетом цветов, нарядный, в новом школьном костюмчике держит маму за руку. Отца рядом нет. Он сильно напился. Праздник сына для него не праздник. Он накануне пропил все деньги и матери пришлось занимать у соседки пять рублей, чтобы купить цветы. Мама радуется и переживает вместе с сыном.

Коля. Ему двадцать пять. Позади школа, училище, армия. Он привёл в дом молодую жену. В малогабаритной квартирке, где они жили вдвоем после смерти отца, молодые заняли отдельную комнату. Алёша с матерью остались в проходной комнате. Начался бардак. Молодая жена плохо понимала свои обязанности и не стеснялась присутствия Алёши. Грязные вещи были разбросаны по всей комнате, кучей лежали в ванной. Коля был чистоплотен и неаккуратность жены его, мягко говоря, смущала. Начались скандалы. Алексей стал уходить из дома.

Друзья. Они были хорошими друзьями, приветливыми и внимательными. Радушно принимали Алёшку у себя. Он мог в любой момент позвонить и придти, и никогда не было отказа. Они все уже определились в жизни, у каждого была семья и работа. Не всегда работа соответствовала запросам, но люди мирились, терпели и понимали, что лучше будет только тогда, когда будет приложено максимум усилий. Не всегда в их семьях был идеальный мир, были и войны, но кратковременные и не страшные. Они прощали, мирились и продолжали жить. Жить ради жизни, жить ради детей, жить ради тех счастливых минут, которые эта жизнь иногда выбрасывает в их серые будни.

Светка. Первая любовь. Первая и недостижимая. Она всегда смотрела на Алёшку с высока, с иронией. Иногда сквозь эту иронию проскальзывало чувство брезгливости. Кто ты? Рядовой неудачник, живущий под крылом матери в старой хрущёвке, так ничего и не предпринявший для того, чтобы выбраться из своего нищенского положения. Что ты сделал? Ничего. Поступил в вуз, получил профессию, которая никогда и никому не приносила доходов, обеспечивающих нормального существования. Чем ты занимаешься? Возишься с малолетками и получаешь нищенские гроши. Ты в меня влюблён и хочешь заполучить меня в жёны? Да таких неудачников вокруг меня хоть пруд пруди. Но не они ни ты меня не интересуют.

И она продавала себя. Тем, кто имел деньги. И её покупали. Но замуж не брали. А он так и сох, и страдал и терпел. Он смотрел на неё восторженными глазами, боготворил и каждую минуту думал о ней. Ждал. Ждал всегда.

Он уже не слышал, как брат выбил дверь в ванную комнату, не слышал громкого крика матери, увидевшую большую лужу крови на полу, ни звука сирены приехавшей скорой. Он не чувствовал, как его укладывали на носилки и проткнули вену иглой, налаживая капельницу. Он уже был в другом мире.

Глава вторая

Андрей попал в кардиологию после затяжного приступа стенокардии. Эта болячка прицепилась к нему после того, как он побывал в горячей точке Кавказа. Там всегда что – то закипало и грозило перерасти в братоубийственную войну. И часто переходило.

Андрей был военным хирургом. Хорошим, опытным хирургом без промахов, таких называют хирургами от бога. Дни и ночи, практически без отдыха он стоял над столом полевой операционной. В короткие перерывы между тяжёлыми операциями успевал выпить стакан сладкого чая и выкурить сигарету. А потом, когда удавалось передохнуть пару часов, проваливался в тяжёлый сон. Мучительный сон, с вязкими кошмарами, от которых тяжело приходил в себя. Проснувшись, курил одну за другой сигареты, отгоняя от себя приснившуюся жуть. После таких снов хотелось принять немного успокоительного, но он держался, поскольку боялся задремать прямо за операционным столом. Обливался холодной водой, растирал тело, облачался с помощью сестрички во всё стерильное и шёл в операционный блок. Колесо.

От этих кошмаров Андрей не мог избавиться и дома, уже после возвращения с войны. Он принимал успокоительные препараты, но ему казалось, что их действие только ещё больше эти кошмары усугубляет. Он боялся спать. Но усталость брала своё. Засыпая, он оказывался в каком – то странном и страшном месте. Это было огромное плато в гористой

местности. Горы, стоящие рядом, вырисовались своими вершинами в плотном сером тумане. Туман двигался своей серой массой словно живой, то, наползая своими краями на плато, то, отступая и выгибаясь, словно наталкиваясь на невидимые границы. Всё плато было усыпано мёртвыми изувеченными телами солдат. И среди этих тел, двигалось какое – то существо с мордой волка, большого роста и сильным мускулистым телом, похожим на тело огромной прямоходящей обезьяны. Покрытое густым слоем коричневой шерсти тело обезьяны и волчья голова, наводили на Андрея страх до дрожи в коленях.

Существо склонялось перед каждым мёртвым телом, пристально всматривалось в лицо покойника, затем либо отходило и двигалось к другому объекту, либо хватало тело в свои лапы, мяло его, комкало, как делает это хозяйка на своей кухне, сминая тесто. Затем, подкатив смятое в ком тело к краю плато, сбрасывало его в пропасть. Сверху, словно чья – то невидимая рука, опускался луч света, который пробегал по лицам мёртвых солдат. Луч расширялся, становился всё ярче и ярче, словно наполняясь дополнительной энергией. Затем укорачивался и пропадал. А существо, не обращая внимания на луч, продолжало делать свою работу.

Тела, от которых отходило существо, видимо его не интересовали. Часть этих тел таяло прямо на глазах, превращаясь в сгусток белого дыма, а на их месте появлялись новые растерзанные войной тела. Эта была жуткая круговерть, которую Андрей наблюдал почти в каждом своём сне. Появлялись на этом плато тела женщин, детей, стариков. Но почти все они быстро исчезали из общей массы. Андрей смог рассмотреть, что тела женщин, одетых в военную форму, почти все проходили через лапы существа. Но существо никогда не трогало детей и не всматривалось в их лица.

Отходя ото сна, Андрей пытался анализировать свои сны. Что он видел? В какое место он постоянно приходит во сне? И почему сон не меняется? Какая сила его толкает на это плато? Как ему во всём этом разобраться? Кто ему поможет?

А сейчас он в кардиологии, и снова сильно хочется спать.

Андрей стоял на краю огромной пропасти. И, несмотря на то, что до дна пропасти было очень большое расстояние, он наблюдал всё происходящее внизу, словно находился в трёх метрах. Дно пропасти было покрыто густой тёмно – коричневой жижей грязи. По этой грязи двигались существа, похожие своими телами на людей. И только смазанные и плоские черты их лиц отдалённо напоминали лица людей. Их деформированные головы были без волос, некоторые с одним ухом или вовсе без них. Кожа прозрачная с тяжёлым серым оттенком, на многих нет одежды, а некоторые одеты в тяжёлые грязные рубахи, доходящие до пят и похожие на грубые холщовые рубища. Все они делали какую – то работу. Одни готовили нехитрую еду в плошках, другие перебирали посуду, третьи рыли яму, которая тут же наполнялась тягучей жижей. Вверху, на каменистых выступях стояла охрана. Жуткие морды и громоздкие тела охранников произвели на Андрея такое впечатление, что он пытался отодвинуться от края ямы даже во сне.

Андрей заметил, что в яму свалилось человеческое тело, одетое в белую короткую рубашку. Это был молодой ещё человек, с красивым лицом и светлыми волосами. Тело упало на дно в грязное месиво. Сущности не обратили внимания на присутствие новичка и продолжали монотонно двигаться и делать свою работу. На их подобии лиц не было эмоций. К новичку стал спускаться охранник. Подойдя к упавшему, он склонился на нем и долго

всматривался в лицо. Потом поднял его с земли, и уже собирался сдавить в своих огромных лапах, как произошло нечто, что ему помешало продолжить начатое. Белый луч, словно лезвие меча, плашмя ударил охранника и тот выпустил свою жертву из лап. Луч втянулся, и тело исчезло вместе с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.